

ГАЛИНА АРТЕМЬЕВА

Хозяйка музея

Блестящие отзывы Льва Аннинского

Книги переведены на японский язык

ЛАБИРИНТЫ ДУШИ

Лабиринты души

Галина Артемьева

Хозяйка музея

«ЭКСМО»

2011

Артемьева Г. М.

Хозяйка музея / Г. М. Артемьева — «Эксмо»,
2011 — (Лабиринты души)

ISBN 978-5-699-53894-2

В ее руках были бесценные полотна, вынесенные из музея, чтобы не допустить расхищения богатой коллекции. Она переступила через собственный страх и прошла через суровые испытания. Что ждет ее – новая любовь или новые неудачи? И можно ли доверять собственным глазам, когда буквально все вокруг оказывается обманом?.. Одно можно сказать точно: она – хозяйка собственной судьбы и сделает все, что от нее зависит.

ISBN 978-5-699-53894-2

© Артемьева Г. М., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Часть I	6
Музей народного бессмертия	6
1. Прибытие	6
2. Родное	8
3. «Слети к нам, тихий вечер...»	10
Другие дни	14
1. Умственные усилия	14
2. Манечка	18
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Галина Артемьева Хозяйка музея

*Я возвращусь к вам, поля моих отцов,
Дубравы мирные, священный сердцу кров!
Я возвращусь к вам, домашние иконы...*

*... У берега насажу лесок уединенный,
И липу свежую, и тополь осеребрённый;
В тени их отдохнет мой правнук молодой...*

Е.А. Баратынский. «Родина» (1821).

*Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит,
Крапиве, чертополоху
Украсить ее предстоит...*

*А после она выплывает,
Как труп на весенней реке, —
Но матери сын не узнает,
И внук отвернется в тоске...*

А.А. Ахматова. «Август 1940».

Часть I

Музей народного бессмертия

1. Прибытие

Ах какая сирень повсюду! Какая зелень на деревьях юная! А воздух! Буквально – не надышишься! И отовсюду запахи и звуки детства: весенняя земля благоухает, река плещется, парходик пыхтит, временами подавая утомительные сигналы.

Елена Михайловна уже отошла от вокзала на изрядное расстояние, когда принялась наслаждаться бурной майской весной маленького неведомого дотоле русского городка. На вокзале об удовольствиях не могло быть и речи: противоестественная для такого местечка толчея и суетня привели столичную жительницу в ужас, ибо сразу подскочили мысли о воровстве, грабеже и разбое. Разумеется, собираясь в дорогу, она приняла положенные меры предосторожности – паспорт и командировочные деньги таились в трусах, в специально пришитом на такой случай карманчике. Елена Михайловна весь путь от Москвы до места назначения живо-том чувствовала благодатное тепло жизненно важного документа и денежных знаков. Однако в сумке тоже имелись ценности, которые к телу не прикуешь: мобильный телефон, например, или футляр с очками для чтения, без них она никуда, ничего не прочтет, не разглядит. Пропал-дуют очки – пропала и командировка. Лупа еще мощная при ней, блокнот с адресами и помет-ками. Вырвут сумочку из рук, и вся дорога зря.

Раньше жулики сочетали свое нечистое искусство с своеобразным благородством и сочувствием: ценности заберут, а ненужное подкинут обокраденной жертве, а то и непосред-ственно к отделению милиции доставят. Сейчас родная земля наполнилась чужаками без роду, без племени, хлынувшими разбойничать на бесхозных бескрайних просторах. Все для них тут не свое, ненавистное, никого им не жаль, за десятку зарезать готовы, и душа их не дрогнет, и покаяния не дождешься, потому что мы для них всего лишь добыча бессловесная на охоте, как белка или заяц: покричит-покричит перед смертью, затихнет – и можно шкуру обдирать, радуясь удаче.

На вокзальной площади происходило светопреставление. Смугломордые чужаки несли свою тарабарщину, вопили зазывно исконно-посконные российские цыганки с цыганами, обещая сказать судьбу и требуя подать деткам на кусочек сухаря. И над всем этим нечистым разноцветьем – куполом высился незатейливый, но доходчивый русский мат, до отвращения густо пропитанный похмельными испарениями. Жизнь кишела червями, как в выгребной яме. Казалось, спасу не будет от этой чумы.

Без всякой надежды продралась Елена Михайловна сквозь привокзальное похабство, держа курс на виднеющиеся издалека кресты храма. И – надо же! Не прошло и десяти минут, как станционные впечатления оказались напрочь забытыми, и нахлынула почти навеки почив-шая, почти утраченная радость бытия, охватила сумасшедшая вера в будущее счастье. Будто ничего еще и не начиналось. Будто все еще впереди.

Ах! Только ради этого ощущения, ради живой воды чувств стоило проделать такую дорогу.

Неведомо сколько простояла Елена Михайловна на мосточке у реки, надышалась ее руса-лочьим манящим запахом и нехотя опомнилась. Ее ждут. Возможно, уже обеспокоены отсут-ствием. Она достала из сумочки плотный листок, на котором красивым уверенным почерком обозначался адрес и схема передвижения к месту назначения. Музей народного бессмертия.

Название какое-то немыслимое, хотя, поразмыслив, не придерешься – имя, так сказать, на все времена. И в пир, и в мир, и в добрые люди.

И верно – музей с этим самым названием продержался с момента основания в 1927 году (к десятилетию навеки нерушимой советской власти) последующие восемьдесят лет, пережив:

- агонию коллективизации;
- массовое истребление народа под видом врагов народа;
- тяготы Великой Отечественной войны с недолговременным даже занятием города вражескими полчищами;
- послевоенную разруху;
- новую волну истребления чудом оставшегося в живых народа под видом врагов народа;
- разоблачение свиноподобным лидером культа личности сыгравшего в ящик грозного тирана;
- нашествие кукурузы на среднерусские поля;
- «чувство глубокого удовлетворения» бровастого генсека, сместившего волюнтаристски беснующегося свиноподобного;
- парочку безвременно почивших, слишком поздно дорвавшихся до власти партийных старателей, не успевших поцарствовать всласть;
- ненароком сокрушившего несокрушимую и величавую державу ставропольца, по недомыслию и мягкотелости затеявшему самому непонятно что;
- лихого президента-алконоида, сварганившего беспрецедентный в многотрудной истории государства грабеж и распад.

Все это время музей жил и принимал своих посетителей, учет которых велся аккуратно и неукоснительно. Располагался очаг культуры в древней помещичьей усадьбе и давно по идее должен был бы обветшать и рухнуть, учитывая вложения в провинциальные нужды не первой необходимости, но дирекция билась и добивалась – то капремонта, то обустройства канализации, то водопровода, то отопления, то покраски фасада.

Только вот вышла странная неувязка. Теперь, когда Россия вроде бы вновь приосанилась и даже впервые за много десятилетий обрела власть с человеческим лицом, Музею народного бессмертия стала грозить гибель. Старинный особняк с флигелями, расположившийся на живописном холме, с высоты которого открывался дивный вид на реку, заливные луга и окружающие их леса, действовал болезненно-возбуждающе на почти уже пресытившееся всесторонними земными благами местное важное начальство. И решило оно по справедливости упразднить эту никому не нужную богадельню с неадекватным ситуации названием, а вместо этого организовать там подобающее помещение для властных структур – резиденцию губернатора, например, или что-нибудь наподобие того, подлинно демократичное и актуально нужное позарез.

В связи с этим начальство издало наказ, указ или приказ, или даже все вместе о неминуемом освобождении здания городской усадьбы от музея в рекордно стремительные сроки.

Музей испустил прощальный крик о помощи. Что-то вроде лебединой песни. «Ты прости меня, любимая, за людское зло». Типа – нам не повезло, но хоть приезжайте, перья с трупа оберите, авось пригодятся.

Сколько этих просьб-воплей поступает в министерства разных профилей, никому из простых смертных неведомо. Как поступают, так и пропадают с концами. Но тут, как иногда почему-то бывает, вмешался случай: взволнованное письмо попало на глаза новому начальнику, еще не разучившемуся самостоятельно читать.

Загрохотал на разные голоса скандал, приведший к тому, что алчные, но трусливые местные шакалы на время отступили, затаились, музей восстановили в своих правах, а Елена Михайловна, как опытный и достойный эксперт, послана была в командировку для

установления реальной ценности выставляемых экспонатов, слезные мольбы о спасении которых содержались в письме.

Она каким-то сверхъестественным нюхом умела безошибочно устанавливать подлинность и авторство исторических документов и произведений искусства. В такой среде вскормлена-вспоена, что иначе и быть не могло: все известные ей фамильные предки, близкие и отдаленные родственники и свойственники обретались в мире прекрасного и другой естественной для себя среды не представляли. Редкостное врожденное чутье Елены Михайловны можно без преувеличений считать результатом генетической селекции многих предшествующих поколений ее семьи. Она по запаху определяла состав красок на холстах, созданных за несколько столетий до появления ее самой на свет Божий. Приложив ладони к старинному манускрипту, она ощущала или тепло его подлинности, или мертвяческий холод подделки. Дорогостоящие новомодные приборы и сложные анализы потом только подтверждали то, что уверенно провозглашала Елена Михайловна, едва взглянув на исследуемый объект. Потому-то сейчас слово было за ней.

2. Родное

Музейное здание открылось перед ней внезапно. В таком великолепно-щемящем ракурсе, что слезы подступили и сердце нерасчетливо-бешено заколотилось в груди, как в пору первой забытой любви. Словно и не проскрежетало над родиной убийственное столетие, словно не подверглась она поруганию, насилию и разграблению. Все: и бело-лиловые гроздья махровой сирени, и прозрачно-розовокожие березы, и новая, только развернувшаяся, листва векового дуба, и просторный луг, и широкая река с песчаным берегом, и радующий гармонией очертаний дом с двумя флигелями – все говорило о незыблемости и вечном покое.

«Если бы так было в раю!» – подумалось Елене Михайловне.

И сразу она решила: что бы там за жалкие экспонаты ни обнаружились, что бы там за ерунда ни хранилась, этот не тронутый ублюдками кусок русской земли она обязана защитить любой ценой. Лишь бы все осталось как есть.

С крыльца приветливо махали две трудно различимые фигурки. Она медленно поднималась к вершине холма, с каждым шагом все явственней ощущая присутствие неземной благодати.

– С приездом! Добро пожаловать! Легко нас нашли? – Низкий глуховатый женский голос звучал вперемешку с высоким мужским тенорком.

Елена Михайловна смотрела в незнакомые лица, словно узнавая в них родных.

Директор музея, простоволосая женщина в ситцевом платье и накинутой на плечи кофте ручной вязки, удивляла своей некартинной красотой. Ясные черты лица, большие умные глаза цвета реки (в них мерцало то голубое, то зеленое), легкие русые волосы, собранные узлом на затылке, дарили впечатление чистоты и вдумчивости. Молодой человек, оказавшийся сыном Прекрасной Дамы, на мать был совсем не похож. Разве что глаза? Такие же огромные, с тайной. А так – ничего особенного, хлипкий, худосочный поздний ребенок со склонностью к умничанию, привязанный, как бывает в таких случаях, до старости к маминой юбке. Женщине было что-то около сорока пяти – пятидесяти, и определялся этот возраст не округлым, без единой морщинки лицом, а слегка потяжелевшей фигурой, полноватыми у щиколоток ногами и взглядом, лишенным ожидания. Юноша казался двадцатилетним.

– Афанасия Федоровна, – представилась хозяйка.

– Доменик, – назвал себя юнец.

– Афанасия! Какое имя подходящее! Означает «бессмертная» по-гречески. Вам сама судьба велела в Музее народного бессмертия трудиться, – восхитилась Елена Михайловна

нежданному совпадению, слегка удивившись, что молодого человека величают столь экзотически.

– Не совсем судьба. Хотя и судьба, наверное, тоже. Мой отец – создатель этого музея. И я – единственное его чадо. Другого имени и быть не могло. Его имя Федор, по-гречески, «Божий дар». Вот я и получаюсь – бессмертная, рожденная Божьим даром.

– Как ваш отец? Музей существует с 1927 года... Сколько же ему было тогда? И когда вы родились? – довольно бестактно поразила Елена Михайловна.

– Да, я понимаю ваше удивление. Мой отец родился в 1880 году. А я – в 1950-м. В семьдесят лет он произвел на свет первого своего ребенка и передал мне знания, опыт, историю нашего семейства, невоплощенные надежды, несбывшуюся любовь... А... – Женщина безнадежно отмахнулась от неуместных воспоминаний. – Долгая трудная говорильня. Давайте лучше отведу вас в ваши покои. Умоетесь с дороги, потом перекусим, покажу вам наши ресурсы. А вечером под соловьев и помечтаем о прошлых днях, если сон не сморит.

– Да! – восторженно откликнулась Елена Михайловна. – Да! Соловьи! В мае должны петь соловьи! Как это я не вспомнила!

– И поют, – ласково подтвердила Афанасия Федоровна. – У них ничего не меняется. Трещат, свистят, щелкают, заливаются. Трели с вечера до утра на весь лес. Наслушаетесь. Спать не дадут.

– И не надо! И не надо! – Измученная другими шумами городская жительница самозабвенно отреклась от ночного покоя во имя наслаждения подлинным природным естеством.

Музей явил себя неожиданным чудом. Естественно, все оказалось оборудованным отнюдь не по последнему слову музейной техники, но все было живым, дышащим и жизнеспособным: великолепные полы из широченных дубовых досок, высокие потолки, свет из слегка затененных шторами окон, анфилады комнат, в каждой из которых обитали бесценные сокровища.

Елена Михайловна знала, каким успехом пользуются на Западе музеи одного шедевра. В выходные тянутся со всех сторон машины к скромному загородному павильону, где со всеми предосторожностями содержится одна-единственная картина признанного мастера. Люди платят огромные деньги за входной билет, любуются, потом устраиваются на пикник в специально отведенном для этого месте, дисциплинированно общаются с природой и умиротворенными возвращаются в свои городские муравейники.

Того количества неординарных полотен, что содержались в Музее народного бессмертия, хватило бы на несколько десятков полновесных культурно-коммерческих проектов. Несколько женских портретов самого Серова! Карандашные наброски Сомова! Небольшой, но очень выразительный Врубель! Это только в одном зале. А дальше – даже себе не верилось: парочка восхитительных пейзажей Левитана. Глаза не знали, на чем раньше остановиться. Дойдя до комнаты, на стене которой красовалось полотно Брюллова, ни в одном каталоге не обозначенное, Елена Михайловна схватилась за сердце.

– У вас тут какая сигнализация установлена? – почему-то шепотом поинтересовалась она.

– А никакая! – со злорадной гордостью парировала Афанасия Федоровна, тоже понизив голос.

– Как же так! Как же это! – залепетала командировочная москвичка заполошно.

– Плевать потому что всем. Писала, просила, отказывают. Нет финансирования. И еще говорят: подлинность не установлена. Не шедевры, мол, а подделки. Догадываетесь, почему?

– Прибрать к рукам чтоб удобнее! – крикнула Елена Михайловна отчаянно. – Картины вытащат, распишут по своим дворцам и замкам, храм искусства подожгут – концы в воду. Потом «восстановят». Сделают «как было», но с другими хозяевами. Знаем: сплошь и рядом! Это не татаро-монголы, те только дань собирали. Эти – из атомной эры. После себя выжженную радиоактивную зону намерены оставить.

– А! Ладно! Как-нибудь! – отмахнулась от трагической правды хранительница вечности. – Тут, знаете, как Бог даст. Было уже всякое. Вон в 1918 все усадьбы и мало-мальски достойные дома крестьяне поразоряли, а хозяев, кто не попрятались, растерзали, как звери бы дикие не сумели. Мы же тут... устояли.

– Как только удалось-то? – подивилась Елена Михайловна.

– Папа говорил: на силу или большей силой ответишь, или пропадешь. У них тогда сила в злобе была, тьма из них поперла, бесовня. Тут уж без границ... Тут только мощью духа взять можно было. Нечеловеческим противодействием. «Из любви к невинному искусству сразился с нечистой силой», – так он иногда шутил. Отпугнул их. Рыцарские вон доспехи надел, видели в том зале? Подлинные, надежные. Вышел в шлеме, в нагруднике. Это он для защиты, если камнями кидаться станут или пулнуть. Он приготовился к смерти, понимаете? И пока шел к порогу, молитву перед сражением повторял. Знаете ее? «Господи сил, с нами буди: иного бо разве Тебе помощника в скорбех не имама. Господи сил, помилуй нас.

Суди, Господи, обидящие нас, побори борюция нас. Приими оружие и щит и востани в помощь нашу.

Всесвятая Богородице, во время живота моего не остави мене, человеческому предстательству не ввери мя, но Сама заступи и помилуй мя.

Все упование мое на Тя возлагаю, Мати Божия, сохрани мя под кровом Твоим.

Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его».

– Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, – эхом отозвалась гостья.

– Они, вероятно, сначала доспехов испугались. Не ожидали, конечно. Может, подумали, что привидение, дух какой-нибудь. Пыл угас. Папа стукнул копьем о крыльцо и посулил, что, если кто что-либо этому дому сделает, того он тут при всем народе заклинает на бесплодие – никого не родите, мол, и у вас ничто не уродится.

– Подействовало?

– Отступили. Поняли, что правду обещал. Да они, те, кто грабил, убивал, разве сами себя не проклинали? Как их потомки сейчас живут, видите?

– Хуже свиней в нечистотах, – подтвердила Елена Михайловна.

– Ушли, дом не подпалили. Есть такие безобразники, что из задора даже не побоятся. А тут – чудо! Разве нет?

Елена Михайловна заворожено кивнула.

– Вот я и не отчаиваюсь, держусь, надеюсь, – продолжала хозяйка. – Придет помощь, если суждено. Вы ведь приехали? Я и не ждала уже совсем, а вот... Так что видите, чудеса нечаянные продолжают.

Тревога стеснила сердце гостьи, призванной спасти и помочь. Были времена, когда ее подписи под экспертной справкой вполне хватило бы для спасения. Но... река времен несет, размывая берега до неузнаваемости... Что сумеет она сейчас?

3. «Слети к нам, тихий вечер...»

Все стало абсолютно ясно с музеем: спасать, хоть бы и ценой собственной жизни! Как сделал некогда его основатель. И хитростью, и криками, и посулами, и высшими авторитетами, и сердцем собственным, и днями положенной на все это жизни – на такое не жалко. И можно бы уже уезжать восвояси, чтоб драгоценное время не истекло понапрасну. Но командировку Елене Михайловне выписали на три дня. Иначе – что за инспекция такая? И ей самой очень хотелось задержаться. Долгие светлые вечера, соловьи, весь счастливо-покойный весенний трепет сулили исцеление и оживление утрамбованной в городской асфальт душе. И когда еще! Да и будет ли вновь такой миг в ее жизни?

Вечером пили чай на веранде. Белые крашенные полы, белый стол, стулья, тонкий белый фарфор – ничего лишнего, все просто, как полеты во сне. И обещанные разговоры под птичьи трели.

– Папа был женат в юности. На исключительно красивой девушке. Знаете, такой декадентский брак: она в Париже или в Тоскане, он в Берлине или в Петербурге. Переписка бурная. Тысячи писем. И все сохранились, все здесь. От нее к нему.

– А его к ней? Пропали, конечно? – сокрушилась Елена Михайловна.

– Нет, целы. Ее правнуки хранят. Недавно сюда навевывались. Так и осела она под Флоренцией. На смену эфемерному браку в письмах пришел другой, вполне естественный брак с деторождением, домохозяйством, требовательным мужем. Но переписка их заглохла потому, что письма перестали доходить, а то бы, верно, до глубокой старости отчитывались друг другу: «Милый Федичка...», «Ненаглядная Любочка...»

– Издать бы эти письма, – мечтательно вставила гостя, уверенная в необычайной ценности личной переписки основателя музея.

– Все может быть, – неопределенно протянула Афанасия.

– И потом он так и жил один? Тут?

– Да, совершенно сознательно стал отшельником. Занимался делами спасенного музея – экскурсии, учет, ремонты, постоянные хлопоты о поддержке. Тогда несказанно повезло, что дом на отшибе стоял. Ни под дворец культуры, ни под горком не забрали – далеко, мало чести. Картинками тоже не очень интересовались – висят, и пусть себе. Картинки каши не просят. И название такое – себе дороже связываться. А папа всю жизнь мечтал о любви, о друге сердечном. В дневниках, когда уже за шестьдесят было, писал: «Не минуй меня, любовь!»

– Пришла? – как на сказку, отозвалась слушательница.

– Судьба подарила. Мама после лагерей не имела права проживания в крупных городах. Десять лет там провела, с тридцать восьмого по сорок восьмой. С двадцати своих прекрасных годков до тридцати старушечьих. Ее первые месяцы на свободе всё за старуху принимали. Пионер однажды в автобусе место уступил: «Садитесь, бабушка». И она села, не удивилась. Я, правда, старухой маму не помню. На моей памяти она счастливая, цветущая, ясная.

– За что же ее?... Как члена семьи изменника родины? Происхождение не то было?

– Происхождение самой высшей пробы – пролетарское. Отец – заводской рабочий, мать на ткацкой фабрике. Комар носу не подточит... За антисоветскую агитацию и пропаганду. Она в университете училась на третьем курсе уже. И их комсомольский секретарь принялся ее домогаться. Грубо полез. Они на майские праздники посиделки на природе устроили, пели-плясали. Он маму на траву повалил. Сам хилый, плюгавый. Такие любой ценой своего добиться должны, иначе им жизнь не в радость. А она статная была, высокая, крепкая. Оттолкнула его и засмеялась: «Изыди, сатана!» И частушку еще какую-то издевательскую пропела. Не помню слова... Вот вроде:

Меня немилый домогался,
да без рук-без ног остался.
Утешает вся семья:
хорошо не без...

Ну и так далее. Смешно, да?

– Страшно, – поежилась Елена Михайловна.

– За отогнанного «сатану» и за частушку получила десять лет. Потом уже много позже стало известно, что из центра на места спускались разнарядки, норма арестов обозначалась, невыполнение плана грозило арестом тому, кто за это дело отвечает. Естественно, все ста-

рались. Тем более – нанесла такую обиду. Грозил расстрелом. Помиловали. Отсидела. Отпустили.

И вот оказалась она тут. И пришла наниматься в музей сторожихой. Такая имелась вакантная должность. Маме было все равно. Лишь бы было, где спать и на что купить кусок хлеба. И чтоб никого не видеть по возможности. Папа ее, конечно, принял на работу. И они полюбили друг друга. Я больше никогда не видела, чтоб так любили. И даже в книгах ничего подобного их отношениям не описано. Мама всегда говорила, что благодарна и гонителю своему, и тюрьме, и ссылке – без них она не нашла бы свою любовь и так и прожила бы в идиотской слепоте и безверии. Они расписались. Потом появилась я. Потом мы жили долго и счастливо. Да-да, долго и счастливо! Вы же видите наш дом. Нам ничего больше не надо было. Только одним воздухом дышать и любоваться друг другом с утра до ночи.

– Это плохо, когда родители такой пример подают, – заговорила вдруг Елена Михайловна о наболевшем своем. – Мои тоже жили и живут душа в душу: «Мишенька», «Лидонька», «детонька», «птиченька»... Мне казалось, все так и должно быть. У всех так. Ничего особенного. Это я уже ближе к тридцати поняла, что мы ненормальные. В каждом встречном кавалере ожидала такого как папа увидеть. Неизменно деликатного, ласкового и при этом чтоб профессионал настоящий был, труженик. Высокие требования, разочарования сплошные – все мне казалось неправильным, не таким, как следует. И осталась во всей своей красе – непарный шелкопряд.

– Вы совсем одна? – посочувствовала Афанасия.

– С дочкой. Дочка у меня. Рита. Двадцати семи лет. Искусствовед по диплому. Сейчас в артистки подалась. В этом, говорит, ее призвание. В театре играет молодежном, в сериале снимается. Родители мои, слава Богу, живы. Сидят безвылазно на даче. Сестра... А так... По ощущению внутреннему... Конечно, я одна. У всех все свое. У дочки все свое. Так и должно быть. А у меня своего нет, все с ней общее. И ей от меня вроде ничего и не надо, лишь бы я ни во что не вмешивалась.

Иногда слезы из глаз льются дождем – неужели не будет у меня собственной жизни, своего счастья? Понимаю – все позади. Мне сорок семь. Куда уж. Сердце последнее время подсказывает: счастье в другом. Вот в таком вечере, как сегодня у вас, в травинке, былинке каждой. Даже в том, как шмели гудят, в треске стрекозиных крыльев.

– Все это живое жужжит, трещит, колыхается, цветет, увядает по предназначенному им порядку. И мы тоже... Только смириться трудно. Самое трудное – смириться.

– Да, то, что живет как часть Богом созданного мира, не размышляет, подчиняется установленному от века устройству. Потому и прекрасно. А у нас законы человеческие. Стало быть, несовершенные. Не к созиданию, а к гибели, – продолжала сетовать Елена Михайловна, но мысль ее оборвалась.

Со стороны реки донеслись обрывки речи, вопли и визг – как зловонием из выгребной ямы окатило. Юные сильные голоса выкрикивали в весеннем своем томлении такие непотребные гнусности, на которые у прожившей свой век отнюдь не в райских куцах москвички сердце откликнулось болью и частым стуком, будто из груди хотело выпорхнуть.

– Пронзает, – подтвердила Афанасия, заметив невольный жест гостьи, схватившейся удержать сердечный испуг. – Дети с больными душами народились. Ни грязи, ни злобы, ни слова не убоятся. Расплата наша...

– А почему *наша*? Нам за что? За то, что честно за копейки трудились и трудимся? Ни о чем не просили, не жаловались, старались изо всех сил людьми остаться? Чем мы провинились, чтобы нам среди всего этого жить?

– Я вот тоже все себя спрашивала: за что? А потом все же открылось: мы ведь все единое целое. Народ – единый организм. Гангрена начинается с маленького воспаления. Поначалу

все другие части тела здоровы и готовы функционировать на совесть. И левая рука, скажем, довольно долго еще не подозревает, что гниение мизинца на правой ноге грозит гибелью всему существу. Надо безотлагательно принимать меры – за это голова в ответе. А если голове не хочется думать о конечностях, у нее другие заботы и чаяния, то результат неминуем. И не будет никто разбираться в степени вины отдельной части тела трупа. Тоже непреложный закон натурального бытия, – Афанасия Федоровна махнула рукой. Легко, не пытаясь ничего от себя отстранить или обрубить. Видно, привыкла к смердящим словам своих соплеменников и смирилась давно.

– А они там... – Елена Михайловна качнула головой в сторону скопления тех, кто пришли к ним на смену жить на земле. – Они там как? Не опасные? Не залезут в дом?

– Нет, об этом не беспокойтесь. Мы же пока здесь, – убежденно успокоила Афанасия.

– Что же им помешает? Сила Вашего духа? Или волшебная сила искусства? – Горький сарказм нервно выплеснулся наружу поневоле.

Хозяйка ничуть не обиделась. Улыбнулась даже. Качнула красивой головой.

– Может быть, сила духа, может, их трусость, а может, совсем другие обстоятельства. Но – поверьте. Просто поверьте – и все. Так значительно легче жить. С надеждой и верой. Ну, что вы тревожитесь, право. Пока-то – не лезли! И не залезут. У вас будет совершенно спокойная ночь. Добрая.

Она, чуть наклонив голову, заглянула в глаза собеседнице:

– Доброй ночи! – Слова Афанасии прозвучали приказом, после которого можно было только откликнуться извечным людским заклинанием, охраняющим спящего от чудовищ, бодрствующих в темноте.

– Спокойной ночи! – нехотя, но полностью подчиняясь интонации вымолвила Елена Михайловна.

Она давно заметила: в разных местах сон является по-разному. Иногда накрывает мгновенно, отключая уставшего человека от хлопот вещного мира, как лампочку выключают, одним щелчком. А бывает, сну что-то не по нраву, он артачится, вот уж и подползет, кажется, совсем-совсем близко и вдруг – пор-р-рх, как птица испуганная. И приходится лежать, слушая ночные шорохи и призывая благодать забвения...

На этот раз сон пришел неожиданно быстро и уберег от никчемных горьких дум и бесполезных страхов.

Другие дни

1. Умственные усилия

И ведь действительно: ночной ее отдых никто не потревожил. Ничто не нарушило покой музейных обитателей.

Проснувшись она счастливой, полной ожидания, как в детстве, когда каждое утро после пробуждения жадно таранилась в обступающий мир естественная уверенность в том, что сегодня, именно сегодня, сбудется то самое, необыкновенное, ради чего и затевалась вся жизнь.

Елена Михайловна лежала, ощущая свежесть крахмального белья и улыбаясь, глядя в окно.

Так просыпалась она на даче много-много лет назад. Просыпалась – и сразу видела листву, перепархивающих с ветки на ветку птиц, синеву неба. И если уже не спала сестра, приключения закручивались тут же. Они, погодки с сестрой, заводили друг дружку с пол-оборота, достаточно было подмигнуть или кивнуть: начинай, мол, поехали.

Одно время каждое утро начиналось с умственных усилий: говорить весь день, по условиям игры, разрешалось только на одну какую-то букву. Легче всего, ясное дело, на «п». На «о» – тоже ничего себе.

День на «П» начинался так:

- Привет!
- Приятно повидаться повторно!
- Пошли помоем пальцы.
- Письки, попки...

(Про письки и попки – это, конечно, Манечка исхитрялась. Она почему-то получилась дерзкая, за словом в карман не лезла, выдумщица, хохотунья – огонь. Лена тоже фантазировала будь здоров, но как-то у нее более основательно получалось, не столь смело, как у младшенькой.)

Они наперегонки бежали к огромному дачному ручейнику, в который входило два ведра студеной колодезной воды. Ни у кого больше во всей округе не было такого великана. Начиналось мытье, брызганье, визги, вопли... Но – все слова произносились только на «п». Иначе – крах: проигрыш позорный! Как там у них было?

- Пора позавтракать!
- Побежали, перекусим!
- Посмотрим, посмотрим, положили повкуснее?
- Пирожки!
- Простокваша!
- Пастила!
- Попробуй, пожалуйста.
- Подай приборы папе.
- Папочка, прими подносик.

Родители знали об их играх и с неизменным интересом следили за тем, как сестры изворачиваются в поисках нужного слова на заданную букву.

Девчонки ошалело бубнили свое, причем не только диалоги, а целые рассказы – это входило в условия игры.

Лена начинала:

– Попрошайка Пелагея присела подле паперти: «Подайте, почтенные прихожане, полущечку. Пожар погубил поселение. Последнее пропало. Помогите, покорнейше прошу!»

Прохожие, поверив, приносили помощь. Пелагея принимала, приbedнялась. Правда, прятала пятаки. Полушками пренебрегала, плевалась: «Пожмотились, подлецы поганные. Подождите, придет пророк, получите пенделей! Пожертвовать побольше полагается!»

Почему-то прибыли поубавилось. Правильно: подашь поменьше – Пелагея проклянет.

Пусть пойдет прочь подобру-поздорову. Просить полагается покорно. Принимать пожертвования – поклонившись. Подними пыльную полушку, поблагодари, поцелуй, прибереги – потом пригодится.

– Пристойно! – одобряла Манечка и предлагала свой рассказец:

– Плохой прыщавый плюгавый парень петухом прошелся подле порога, привычно плюнул, повернулся, подпрыгнул, проговорил: «Пойду пограблю придурков». Походил по парапету, пристально понаблюдал. Поодаль приостановилась парочка поцеловаться. «Прелестно», – подумал парень. Плавнo приблизился, потихоньку похитил портмоне. Пошел, пошел, побежал. «Помогите!» – послышалось позади. «Поцелуйтесь, поцелуйтесь подольше, похотливые полудурки», – презрительно проговорил подлый пацан. Почин показался приличным. Первая попытка: пухлое портмоне. Поди плохо!

Поехал пообедать. Поел плов, потом пирог. Попросил принести пахлавu, портвейн. Посидел по-царски.

После, прогуливаясь, подумал: «Побольше подобной прибыли! Пусть постоянно!»

Правда, получился позор: пошел прилюдный понос, поскольку покушал протухшую пакость.

Просил: «Помогите, погибаю! Плохо!»

Присутствующие при происшествии прогоняли парня: «Пошел прочь, поносник. Пахнешь пакостно!»

Поделом!

Была польза хоть какая-то в этой маниакально затягивающей игре? Чему это учило?

Окружающим временами казалось, что эти настырные поиски слов на одну букву не самое здоровое детское времяпрепровождение. Зря опасались. Ведь игры учили. И – многому. Во-первых, конечно, реакцию развивали. И не только в рамках этого своеобразного развлечения. Девочки настолько наловчились быстро выкручиваться в поисках нужного слова, что школьное сочинение, выступление с докладом на любую тему стало делом пустяковым: раз – и готово, подумаешь! Это вам не слова на одну букву в дурацкий рассказ торопиться укладывать. Кроме того, игра настоятельно требовала от участниц постоянного расширения их словарного запаса. Девчонки упорно рылись в словарях, выписывали словечки, козыряли ими потом.

Буквы дня выбирали путем обычной жеребьевки: тянули вслепую из мешочка бумажку. Конечно, мягкий и твердый знаки, а также «ы», «й» исключить пришлось изначально, по вполне понятной причине: с ними много не наиграешь. Позднее, к их собственному недоумению, пришлось исключить и первую букву алфавита – «а», такую гордую, кто бы мог подумать. Оказалось (опытным путем), что на «а» далеко не уедешь.

Проснулись поутру:

– А!

– А!

Потом пальцем на краски дня:

– Акварель!

За завтраком еще как-то что-то:

– Апельсин, арбуз...

Не развернуться. Потом узнали, почему такая незадача: все самостоятельные слова, начинающиеся на букву «а» в русском языке, заимствованные. Без заимствований не обойтись, но

яркую картину из них не составишь. Хотелось же им веселья, умственных поисков, но не распевного воя: «Ааааа».

Каждая буква вносила свое настроение.

От дня на букву «о» рты у них круглились, лица принимали особое выражение удивленной простоты, смешанной с упрямством деревенщины.

– Отоспалась?

– Отрадно однако!

– Отмоем овалы обличий!

– Очи ототрем!

– Отчистим оное! (Указывалось на зубы.)

– Обольемся!

С такими словами вступали в бодрствование.

– Откушаем?

– Оладушки обалденные.

– Отца обслужи. Он, отметь, отстраненно отдыхает от отчаянной оргии.

Родители хохотали. Оргия – это ночные посиделки с дачными соседями, анекдоты, байки. Подходящее слово нашли дочери!

– Остановись! Обидишь отца. Отгонит от оладий, окорока, оливье.

– Отпусти отроковице, отче!

– Идите, идите, отроковицы! – смеялся папа. – Дайте позавтракать спокойно.

И они принимались за истории:

– Однажды ослепительная Ольга отъезжала от Оренбурга отдыхать. Оторваться. Оттанцеваться. Отчеты основательно осточертели. Однако общие отрицательные отзывы об Онежском озере озадачивали.

Олег отметил ошеломляющее обаяние Ольги. Они оказались одни. Он обидно оглядывал Ольгу. Она отвернулась.

– Отойдем?

– Обалдел?

– Отчего, Оленька? Отпуск, озеро, очарование... Обожаю!

– Обидно, Олежек. Отпусти!

– Ооо! – орал Олег. – Оооо!

– Окаянный! Отстань! – отталкивала Ольга.

Она отскочила от Олега, отбежала.

Осмотр окрестностей озера окончился.

Она отчаянно отметила: «Оскорблена!»

– Ошибся, осознал, – отозвался ошарашенный Олег.

Он окончательно отрезвел.

– Отвали, – огрызнулась Ольга.

– Одна останешься, – обещал Олег озлобленно.

Ольга отошла. Она ощущала отвращение.

После этого Манечкиного рассказа, гордо зачитанного перед родителями и соседями – участниками вечерних «оргий», возникло недоумение: уж очень взрослую ситуацию описала отроковица.

– Сама-то поняла, про что сочинила? – спросил папа.

– Он к ней лез, они поссорились, – дернула плечиком Маня. – Подумаешь.

– Там же все на «о», пап, – вступилась Ленка, – поэтому такие слова.

Родители немножко успокоились. Соседи же дружно постановили: писательницы растут. То есть просто уже совсем готовые сочинительницы.

Существовала в их с сестрой активах еще много-много игр, связанных со словом и фантазиями на его тему. В одной из них – самой трудной для Лены – всегда побеждала Манька. На первый взгляд, все казалось предельно простым.

Подбираешь такое слово, чтобы, отнимая от него по буковке, получилось осмысленное повествование. Его можно понять сразу и – домыслить, допридумывать. Тут прежде всего требовалась скорость мысли и богатство воображения.

Например, слово «ябеда». Разложим, как диктуют правила игры, по буковкам:

я – беда – еда – да – а

Получается рассказ о человеке, страдающем ожирением:

Я (сам для себя) – беда.

(Моя главная беда) – еда.

– Да? (Знаки препинания очень помогали в драматургической составляющей повествования.)

Теперь представим, что слушающий понимающе кивнул:

– А! (Понял, мол, истоки проблемы.)

Маня с дикой скоростью находила подобные слова. Ленка пыжилась, злилась, но злость не давала ровным счетом ничего: результаты ее потуг яркостью не отличались.

До сих пор помнит она свои немногочисленные сомнительные достижения:

Шум: шшшш (Это значило – тише, работа идет. А работает что?)

ум! (После чего возникает сомнение или восхищение – зависит от знака препинания в конце восклицания.)

– Мммм! (Или с сомнением – мммм?)

Или вот еще жалкая попытка.

Духи (с ударением на «у», что было важно для сюжета):

– Дддд (У человека зуб на зуб от страха не попадает при мысли о привидениях, дүхах.)

Его спутник пытается над ним подшутить, объяснить, что его пугает его собственный слух:

– Ухи! (Мол, уши твои тебя подводят, приятель.)

– Хи! (Радуетса такому естественному разрешению страхов пугливый человек.)

А в это время дүхи, решив доказать, что они есть, принимаются завывать:

– Иииииии!

А еще Манечка сочиняла замечательные стихи. Буквально обо всем, что видела. Вот лежат они на травке, загорают...

– Смотри, – шепчет Маня и глазами показывает, как комарик вьется рядом с их головами.

И тут же говорит стихами:

Непонятное насекомое —
крылатое, черное —
Начинает свой страшный путь:
По упругой блестящей травинке – ввысь,
Чтобы оттуда мне на ногу,

а может быть, на голову
сигануть.
Чтобы тысячью своих осторожных ножек
Запутаться в моих волосах,
Чтобы жалом безжалостным
впитаться мне в кожу...
Кажется, даже на небесах
слышат его занудную песню,
Состоящую из непрерывности звуков «вэззззззззз».
Что бы сказала облако, интересно,
Если бы этот настырный комар на него залез?

Лена записывала все, что приходило им тогда в головы. Копились тома сочинений. Так до сих пор на даче и хранятся исписанные толстые тетрадки за 44 копейки. Сколько их там? Надо бы взяться, перечитать.

Хорошие воспоминания. И не даром все окружающие предрекали сестрам карьеры сочинительниц.

Так и получилось. Отчасти. Маня сочиняет до сих пор. Вплоть до коллизий собственной жизни.

2. Манечка

Все у них шло ровно и гладко. Даже без предрекаемых со всех сторон ужасов подросткового периода обошлись. Спокойная семейная жизнь не способствовала диким бунтам, безобразным истерикам. У всех постоянно находились дела поважнее и поинтереснее. Лена с упорным прилежанием занималась своим всепоглощающим искусствоведением. Мария поступила в иняз. Перед самым ее восемнадцатилетием произошло незначительное событие, почему-то радикально изменившее дальнейшее течение всей их семейной жизни.

Однажды Маня ехала домой на метро после трудного студенческого дня и многочасового сидения в библиотеке. Рядом громоздился жирный дядька в милицейской форме, таранился. Потом заговорил. Откуда, мол, едет, где ей выходить. Маня вежливо отвечала. Тучный приставучий дядька тоже ехал «с института», как он изволил выразиться. К Мане это не имело ровным счетом никакого отношения. Она даже не поворачивала головы в его сторону, отвечая на вопросы случайного малоприятного человека.

Приближалась ее станция. Она поднялась выходить. Жиртрест тоже встал. Пояснил про удивительное совпадение. Дошел с ней до ее дома. Попросил телефон. Маня извинилась и отказалась называть номер. Родители строгие, не приветствуют. Так она объяснила.

– Ага. ПЫнятно, – кивнул мент. И пошел себе своей дорогой.

И что в этом ничтожном эпизоде могло хоть как-то насторожить и растревожить? Да ничего. Он и забылся меньше, чем через полминуты.

Спустя несколько дней мама достала из почтового ящика записку-повестку на невнятном бланке, требующую, чтобы М.М. Заславская явилась в опорный пункт милиции для беседы с участковым. Указывались дата и время явки. Манька посмеялась. Она не собиралась никуда идти. Тем более в это самое время у нее намечалось свидание с интересовавшим ее человеком. И отменить встречу не получилось бы. Парень жил в новом доме, где еще не было телефона. А о мобильных в те древние времена даже у фантастов ничего не значилось.

Однако родители встревожились не на шутку. Они реально интенсивно завибрировали. Упрашивали Маньку пойти в опорный пункт, как это предписано повесткой. Зачем им это

надо было? Что за страх сидел в печенках этих умных, начитанных, блестяще образованных и талантливых людей? Хотя... Что они впитали в себя с молоком матерей, они, родившиеся в конце тридцатых годов? И хоть причисляли они себя к племени бунтарей-шестидесятников, но на уровне крепости поджилок... бунтарство отступало. Короче – поджилки тряслись.

Маня, видя, как родители бледны и взволнованны, естественно, согласилась явиться к этому чертову участковому. Родители взялись героически сопровождать. Именно это и было «лишним телодвижением». Не будь их рядом, все наверняка сложилось бы по-иному.

Но что говорить! Сделано – не вернешь.

Пошли они втроем в свой опорный милицкий пункт. Постучались к участковому.

– Войдите! – рявкнуло из-за двери.

За столом восседал «шкаф» из метро. Тот самый, что неотступно перся за Маней, проводил до самого дома. Он, конечно, не ожидал, что Заславская М.М. заявится к нему с отцом-матерью. Наверняка думал красиво пошутить. Поразить воображение много о себе воображающей недотроги собственным солидным кабинетом, своей статьёй за начальственным столом. Хотел, может, похвастаться недюжинной силой и значимостью: вот, мол, не ждала, а я нашел! Но у этих московских... У них никакого чувства юмора не было. Они шутковать не умели и не ценили чужие способы веселья. И что было делать? Не мог же он родителям сказать:

– Я, извиняюсь, с дочкой вашей познакомиться поближе хотел.

Поэтому надел он строгое лицо, собрал губы жопной гузкой и задал ряд вопросов на предмет того, знают ли отец с матерью о связях их дочери. Мол, дело серьезное расследуется, попала в зону повышенного внимания. Давайте раскрывать контакты.

Мане все стало совершенно понятно с первой же секунды. Она собиралась развернуться и уйти. Имелся у нее в запасе небольшой зазор времени, можно было успеть на свидание, пусть с небольшим опозданием, но так даже лучше. Приличным девушкам полагается заставлять себя ждать. Все ее подруги именно так и делали.

Родителям, знавшим всю Манькину незамысловатую подноготную, следовало немедленно прекратить всяческие провокационные разговоры и гордо удалиться, ведя за руки свою замечательную дочку, которая по определению ни во что дурное вляпаться не могла и никакими связями семью не опорочила.

Но родители явно испытали глубокий шок и были лишены воли к сопротивлению. Это Маня заметила сразу и почувствовала жгучий стыд за них и собственное вселенское одиночество.

Они что-то бормотали о Манькиных друзьях еще из школьных времен. О том, что знают их как людей порядочных и из хороших семей. А вот институтских еще не всех видели, еще не знакомы. И тут отвечать не могут.

– Имена! – потребовал вполне вошедший в роль следователя мент.

И тут Маня с изумлением поняла, что сейчас они таки начнут называть имена! Тех самых, кого с пеленок знали... Этому...

– Заткнитесь! – крикнула она неслыханное и невозможное прежде слово в сторону родителей.

– А ты, гад, ты ко мне приставал в метро! Он за мной шел! И сейчас, не будь вас рядом, полез бы! Кабинет запер бы – и все! Я на тебя заявление напишу твоему вышестоящему начальнику. С этой вот твоей «повесткой»! Пусть мне твой начальник скажет, какое такое дело ты расследуешь, центнер сала!

Ментяра покраснел, как свекла. Родители изумленно вытаращились.

Манька больше не любила никого на свете. Особенно их, талдычивших всю жизнь о благородстве и служении прекрасному. А дочку свою предали в момент.

«Мы не знаем, мы не знаем!»

Она развернулась и вышла. Родители, не выразив даже своего возмущения участковому, выскочили вслед за ней.

– Ты прости нас. Мы же не знали, – начал было растерянный папа.

– Что сделано, то сделано. Все ясно, – отрезала Маня.

На свидание она не поехала.

На мента заявление написала, как и обещала. Родители прекрасно видели ее состояние и отговаривать боялись.

Времена шли – сейчас и не поверишь. Начальник милиции принял девчонку, выслушал, успокоил. Назвал участкового придурком. И даже прощения попросил. И это не было стебом или игрой в кошки-мышки. Участкового убрали. По крайней мере с их участка.

А Маня приняла свое решение. Такой у нее характер. Делает выводы и решает. Раз – и готово. Она объявила своим, что оставаться в этой стране не собирается. Просто не собирается, и все тут.

– Да куда же ты отправишься, Манечка? – вопрошали родители. – У тебя и прав таких нет – выезда из страны требовать. Родина твоя тут. И только тут. И историческая родина тоже тут, в Москве. Какие основания будут для выезда?

– Найду основания, – огрызнулась Маня. – Замуж выйду.

– Да за кого же?

– Это абсолютно неважно теперь. За любого иностранца.

– Думаешь, там лучше?

– Думаю, тут хуже! Я про «там» ничего не знаю, кроме того, что мне «тут» на уши навешали. Вот поеду – разберусь. И буду решать. Сама за себя.

«Кто ищет, тот всегда найдет». Так в песне поется. И это полная правда. Нашла Манечка себе жениха. Очень быстро. Потому как не таилась и о своем насущном желании объявляла сразу. Проходила у них в институте конференция в защиту мира. Приехали гости с Запада. Тогда они казались персонажами из сказок. Или героями зарубежного кино. Лучших студентов их курса приставили к иноземцам переводчиками. Негласное задание дали каждому: глаз не сводить, сообщать обо всех контактах и передвижениях. Маню от этого задания чуть не стошнило. Однако именно благодаря этой возложенной на нее миссии она утвердилась в своем желании оставить родные пенаты.

Ей достался датчанин тридцати восьми лет. Высокий, нарядно одетый. Красивый, наверное, был в молодости. Так думала Маня. Она не понимала, чего он приперся на эту конференцию. Что, ему мира у себя в Копенгагене не хватает?

Вечерами она писала рапортики о поведении своего подопечного: глубоко заинтересован этапами построения социализма в СССР, положительно и с большим уважением отзывается об успехах планового хозяйства, выражает горячее желание ознакомиться с достижениями советского народа в области культуры и образования.

Благодаря ее умению кратко и емко формулировать основные интересы удивительного иностранца, крайне благожелательно, по ее отзывам, настроенного и горячо интересующегося идеями Маркса – Энгельса – Ленина, ему (вместе с его переводчицей, разумеется) были выделены билеты в Большой театр на оперу «Травиата» и балет «Жизель».

Балет Манькиного иностранца заворожил. Он влюбленными глазами смотрел на предателя-принца, погубившего своим недостойным поведением чистую крестьянскую девушку, и аплодировал при каждом прыжке горе-героя. Маня, естественно, сочувствовала Жизели, злорадствуя, когда аристократ начал проявлять признаки тоски и раскаяния. В антракте растроганный Свен купил в буфете шампанское и бутерброды с икрой и копченой колбасой. Маня с ним хорошо сдружилась, и они вполне непринужденно болтали. Ее благодарный подопечный предложил даже, что когда Манька прилетит в его родной город, повести ее на представление Датского королевского балета. И потом они сравнят впечатления.

Маня, опьяненная шампанским и духом нереальных возможностей, исходящих от человека из недоступных миров, спросила, понимает ли он вообще-то, куда попал и в какой такой Копенгаген ее приглашает, если в несчастную братскую Болгарию поехать считается великим жизненным прорывом и удачей.

Он понимал плохо. Она объяснила.

После балета гуляли по слабо освещенным улицам родного Манькиного города. Свен все равно, несмотря на растоптанные розовые очки, восхищался. Она тоже.

Красная площадь. Набережная.

– О чем ты мечтаешь? – спросил Свен, глядя сверху вниз (с высоты своего роста) на удивительную и непонятную девушку Марию, выросшую в странной стране.

– Я пообещала сама себе, что выйду замуж за любого иностранца и уеду отсюда. Навсегда, – прямо ответила Манька.

– Неужели тебе и правда так плохо дома? – не поверил датчанин.

– Ты сейчас здесь как в театре. А в театре все хорошо и интересно. Когда живешь по-настоящему, тут очень вонюче.

Иностранец засмеялся.

– Везде своя вонь, – резонно заметил он.

Манька была слишком молода, чтоб понять. Она была уверена, что где-то есть место именно для нее. Главное – вырваться отсюда.

Глупо, кстати, делали во времена социализма, что не выпускали людей «на посмотреть», как там живется, в землях обетованных, о которых только по мифам и шмоткам избранных побывавших и можно было узнать. Ну, съездили бы люди. Прибарахлились. Огляделись. Большинство вернулось бы обязательно. К себе же. Любое ограничение вызывает острое желание немедленно высвободиться из пут. У некоторых это походит на приступы клаустрофобии – боязни замкнутых пространств, когда уже не думаешь, как будет снаружи – главное, не оставаться внутри.

– И что ты станешь делать, когда уедешь отсюда? – заинтересовался Свен.

– Я буду делать то, ради чего пришла в этот мир, – запальчиво сказала Маня.

– А ради чего ты пришла? – допытывался человек издалека, делая ударение на слово «ты».

Манька тогда была уверена, что знает, зачем она живет.

– Я весь мир объеду. Все посмотрю. Это для начала. А потом мне мир сам подскажет. Я много могу.

– Ты много хочешь. А вот можешь ли... Где же ты возьмешь деньги, чтобы объехать весь мир? Это требует средств, – со снисходительной улыбкой разглядывал ее иностранный гость.

– Я буду работать. Устроюсь кем угодно на корабль. Поплыву по океану. Посмотрю на китов, акул. На Африку. Буду вести дневник. Потом напишу про свои путешествия. Как будто я первооткрыватель. Потом устроюсь стюардессой и тоже стану бывать повсюду. Я знаю уже три языка. Русский, английский и французский. Это для начала. Выучу еще несколько – это мне легко. Неужели я работу не найду?

– Найдешь, – кивнул Свен, – вижу. Ты сможешь. Ты молодец. У нас, знаешь ли, если спросишь такую девочку, как ты, или парня твоего возраста, что они хотят, они очень часто отвечают: не знаю. Ничего им не надо. Им скучно жить, можешь себе такое представить? У них есть все возможности, о которых ты мечтаешь, но им скучно.

– У нас тоже есть такие люди, кому скучно, – сказала Маня, – это их дела. Я о себе только говорю. Я знаю, чего хочу и буду добиваться. Вот и все.

– Ну что ж, раз так, чувствую, что должен тебе помочь. Давай я на тебе женюсь. Я как раз не женат.

– Здорово! – одобрила Маня. – Когда?

– Что – когда?

– Когда поженимся?

Свен захохотал в полный голос.

– Ты сокровище! Ты и вправду знаешь, чего хочешь. Ты можешь осчастливить любого. В тебе столько энергии. Просто смотреть – и то удовольствие.

Маня ждала ответа на вопрос «Когда?» и не отвлекалась на его комплименты.

– Хоть завтра, – пообещал Свен. – Только условия обговорим. Ведь это деловое соглашение, верно?

– Верно, – серьезно кивнула Мария. – Обговорим.

Они все еще стояли на набережной. За спиной высилась огромная серая «Россия» – гостиница, где обитал на время конференции возможный кандидат в ее мужа.

– Я о тебе знаю все, – полувопросительно произнес датчанин.

– Не совсем, конечно. Но я готова ответить на все вопросы.

– Обязательно. Но вот послушай мои условия и информацию обо мне. Раз уж мы всерьез говорим об этой аванюре. Ты умеешь выслушивать правду?

– Да! – заверила Маня.

Хотя откуда ей было знать, умеет она что-то выслушивать, если все ее детские «правды» ничего не значили для жизни и никакой роли в судьбе не играли. Просто юным девушкам часто так кажется, что все они знают, умеют, смогут, понимают, осияют, преодолеют. Некоторые действительно преодолевают и расхлебывают всю оставшуюся жизнь плоды своей удивительной самоуверенности. А бывает, кому-то везет.

Маня ничего не боялась и чувствовала только, что от реки начинает пахнуть морем, океаном, горизонты отодвигаются. Что за чудо – это ощущение грядущего полета! Не во сне, а наяву!

– Самая главная моя особенность: я гомосексуалист.

– Ну и что? – бодро отреагировала Манька.

– Ты понимаешь, что это значит? – решил уточнить Свен.

Ну, если подумать про правду-правду, полную, прекрасную, превосходную, прелюбопытную, паническую, прозрачную, прямодушную, пессимистичную, принципиальную, пакостную, плохо пахнущую, посмеивающуюся, придурочную, парящую, приземляющую... Стоп-стоп... Ты не в детстве. Детство заканчивается. Прямо сейчас.

В общем и целом Манька что-то такое слышала про то, что мужики любят мужиков. Она, с ее глобальной начитанностью, горевала – и очень даже – о трагедии Оскара Уайлда, пострадавшего от своей роковой любви к пустому и ничтожному аристократишке, отец которого затеял против великого утонченного мастера слова, бывшего кумиром тысяч и тысяч, судебный процесс. И в результате Оскар Уайльд¹ оказался за решеткой. И написал там свою гениальную «Балладу Редингской тюрьмы». Манька наизусть знала строки этой душераздирающей баллады и повторяла их про себя, наслаждаясь ритмом, терпкой горечью и интуитивно ощущаемой правдой стихов:

Ведь каждый, кто на свете жил,
Любимых убивал,
Один – жестокостью, другой —
Отравой похвал,
Коварным поцелуем – трус,

¹ Оскар Уайльд (1854–1900) – англ. писатель, поэт, драматург, эссеист, один из самых ярких и знаменитых персонажей своего времени. Был осужден на два года тюрьмы по обвинению в безнравственности. Законодательством Великобритании того времени запрещены были «непристойные отношения между двумя взрослыми мужчинами».

А смелый – наповал².

– Я все понимаю, – уверенно провозгласила Маня. – Я хорошо знаю историю Уайльда. Кстати, он был женат. И двое сыновей родились. До всего его ужаса.

– У тебя отличное образование, – похвалил Свен, ласково улыбаясь. – Но учти, теоретические знания ничего не стоят. Я вижу, тебя мое сообщение не напугало, не оттолкнуло. Странно. У вас ведь и сейчас это уголовно наказуемо.

– Да? – удивилась Манька. – Правда? Я не знала. Это не моя область. Мне – правда – все равно. И со мной тебе ничего не грозит тут у нас в этом плане. Не арестуют.

– А ты молодец! – констатировал ее потенциальный спаситель.

В голосе его слышалось явное уважение.

Манька же, в секунды прокручивая в своей бедовой голове всю информацию на эту тему, которой она обладала, вспомнила вдруг садистский стишок:

В лесу раздавался топор дровосека —
Им дровосек отгонял гомосека.
Кончились силы, упал дровосек.
С улыбкой залез на него гомосек.

Она невольно засмеялась неудержимым детским смехом.

Спутник ее добродушно любовался юным непонятным существом из загадочного потустороннего мира, способным на столь редкостно искренний смех.

– Слушай, – попросил Свен, – я тебе сейчас все расскажу.

У меня в мои семнадцать была девушка. Подруга. Мы были вместе четыре года. И все эти четыре года она рыдала во время секса. Не знаю, что с ней происходило, что у нее было в голове, но она по-настоящему взхлеб рыдала. Я ничего не мог понять. Чувствовал себя последним дерьмом. А еще она скандалила по любому поводу. Из самой незаметной мелочи могла сделать вселенскую трагедию.

Я думал, что люблю ее. Боялся потерять, уговаривал. Прощения просил. Она все грозила уйти, бросить меня.

В итоге – я ее бросил. Поболтал с другом, поделился, а он мне говорит: «Парень, зачем тебе это надо? Живи спокойно». Я как будто тяжелую ношу снял с плеч.

А потом у меня завязались отношения с этим самым другом. С ним было спокойно. И он любил меня. Я хоть понял, что это такое, когда тебя любят – без шантажа, без угроз, воплей и рыданий. Девушка умоляла вернуться. Теперь она просила прощения. Говорила, что все поняла. Я уже ее не слышал. Она стала прошлым.

Пошла другая жизнь. С тем другом мне повезло: мы были на равных. И в имущественном плане – это важно. И в социальном. Никто из нас не тянул на себя одеяло. Никто ничего не хотел, кроме как доставить радость друг другу, украсить жизнь. Так прошло восемь лет. Восемь лет счастья. Мне не стыдно об этом говорить. Это действительно было редкое счастье. Каждый из нас занимался своим делом, помогали друг другу, как только любящие умеют помочь.

Потом он заскучал. Теперь я стал для него тяжелой ношей: нести трудно, а бросить жалко. Ему хотелось нового. И он уехал. Просто однажды я вернулся домой (мы снимали огромную квартиру), а его вещей нет. Пусто. И прощальная записка. Улетел в Африку.

Началась другая жизнь. Я искал замещения. Мы же с ним были образцовой парой. Нам завидовали, с нас брали пример. Когда я остался один, налетели утешать. И я увидел другую сторону подобных отношений. Когда тобой умело завладевает мужчина-содержанка. О! Они

² О. Уайльд. Баллада Реддингской тюрьмы. Перевод Н. Воронель.

умеют влюбить в себя. Умеют влезть в душу. Так было и с Уайльдом, кстати. Это особая порода. Многочисленная, между прочим. Молодые, красивые, само совершенство. Эти похлеще любой капризной женщины. Я все думал над особыми приметами этой группы существ. У них есть и женская хитрость, коварство, умение вникать в мельчайшие детали, мстительность, злопамятность, красноречие и совершенно мужская жестокость, беспощадность, эгоизм.

После нескольких случайных связей, тоски, отчаяния, одиночества мне попался как раз такой партнер. Потрошитель. Я работал на него. Как раб. Я известный дизайнер. Знаешь, что такое дизайнер?

Маня кивнула, знает, мол. Им объясняли как раз недавно на практикуме по английскому значение этого слова. Дизайнер – оформитель. И что? Почему наши оформители получают 90 рублей зарплаты, а их дизайнеры считаются мастерами с большой буквы? Дизайн – это область искусства. Вот как им объяснили. Но про дизайн надо было разобраться самой. Там, на Западе, как только она туда попадет.

– Хотя – что я спрашиваю? – продолжал Свен. – Откуда тебе знать. Ты растешь вне этого понятия. Тут пока этому цены не знают. А у нас я получаю огромные деньги, представь себе. И вот все это я отдавал новому своему возлюбленному другу. И ему все было мало. Он постепенно вошел во вкус. А ведь был никто и ничто до встречи со мной. Нищий польский безработный. Все жаловался на ужасы социализма. Я его поначалу просто жалел, как замерзшую птицу. Отогревал, приводил в человеческий вид. А он, отогревшись, стал проявлять себя во всей своей красе: закатывал истерики, требовал красивой жизни. Он стал пользоваться огромным успехом, когда проявилась его красота. И постепенно я увидел в нем ту свою давнюю подругу-девушку, с которой расстался без жалости. Я не стал дожидаться, когда он «уедет в Африку». Уехал я. Оставил ему на первое время средства на жизнь. Он не пропадет, не из таких. А сам решил искать новое вдохновение в дальних странах.

Сначала морское путешествие совершил. Из Дании в Аргентину, представь себе! Океан забрал у меня остатки чувства к моему поляку. Я освободился. В Буэнос-Айресе я провел целую неделю. Ходил по вечерам в рестораны, где показывают танго и поют народные песни. У них как раз 11 декабря – всенародный праздник, День танго. Вот что тебе надо посмотреть как можно скорее. Шел декабрь, но там в это время лето, зной, днем никуда не хочется, зато вечером по улицам прогуливаются нарядные чинные толпы. Но что коробило: много бездомных, совсем пропащих людей. Так и лежат себе на улицах – газеты подстелят или картонку и лежат. Особенно страшно на детей бездомных смотреть. Подумай только – они вообще не знают, кто их родители. Они по-настоящему бездомные изначально. Их рожают такие же бездомные матери, бросают, они выживают каким-то чудом. Нет у них ни документов, ни имен даже. Клички какие-то. Сильное впечатление на меня произвело. Все думал – что для них жизнь. И – люди ли они? Конечно, люди. Другие только. Но не хуже нас. Потом тебе расскажу, ты устала, малышка. После Аргентины решил поехать туда, где людям рай обещают. К вам. А ты говоришь, что и здесь рая нет. Да и я сам вижу это.

Помогу тебе. Только условие мое такое: давай рискнем, давай станем настоящей парой. Я не гарантирую верность. Я не уверен в себе в этом отношении. У меня случаются депрессии, и тогда я пускаюсь во все тяжкие... Но если ты будешь моей женой, если родишь ребенка, имущественно ты окажешься на сказочной высоте. И все твои мечты сбудутся. Пообещаем друг другу быть парой. А там посмотрим. Ты еще сама себя не знаешь. А я себя знаю слишком хорошо. Одно только давай пообещаем друг другу: честность. Ты способна на честность?

По-настоящему стать мужем и женой. Да к тому же с гомосексом. А Манька еще даже не влюблялась толком. То есть были какие-то взгляды, томления, встречи, но спешить не полагалось, да и не хотелось. Это чувство – все впереди, оно диктовало легкость, необязательность, несуетливость. А сейчас вполне может оказаться, что из-за ее решения все – р-р-раз! – и ока-

жется позади. И выйдет она замуж по-настоящему, но не по любви, а по расчету. При этом Свен ей нравился. Красивый, привычно-элегантный, искренний. Она бы, может быть, смогла его даже полюбить. Но ей для настоящего замужества требовалось, чтоб ее любили. Сильно-сильно, обещая верность.

– Я способна на честность. – заверила Маня, – Я по-настоящему смогу быть только с тем, кто меня полюбит. Мне и надо было просто уехать. Чтобы за свою жизнь увидеть весь мир. А так... Мы совсем чужие пока.

– Ты мне очень нравишься. И я чувствую, что мог бы тебя полюбить. Главное – решить что-то для себя. И мыслить позитивно. С надеждой. Можем попробовать?

Сердце Манькино дрогнуло. Она-то про себя поняла, что могла бы полюбить этого чужого.

– Я согласна мыслить позитивно. И я согласна попробовать, – торжественно произнесла она.

Так, у сонной безлюдной Москва-реки состоялась их внезапная помолвка, сулящая непонятно какое новое.

Манька заявила домой глубокой ночью и огорошила сестру рассказом о сбывшейся мечте.

– А как же институт? Как родители? Как я? – тосковала Лена, понимая, что все уже свершилось, что Маньку не остановить в ее стремлении к открытому миру.

– Институт – на фиг! Родители должны понять. Ты – форевер! – Вот и все четкие и ясные ответы.

Наверное, решительным судьба идет навстречу во всем.

Заявление в Грибоедовский загс (только там можно было заключить брак с иностранными гражданами) они подали на следующий же день. Вместе с перечнем документов, необходимых для регистрации. В институте так ничего и не узнали. Свен улетел, вернулся за два дня до свадьбы. Манька собрала все, что требовалось. Главное – родители дали согласие. Без него их бы не расписали. Родители почему-то доверчиво отнеслись к будущему зятю. Он им понравился.

– Культурный человек, – определил довольный папа.

Под этим определением понималась не просто вежливость и наличие подобающих манер (все это, безусловно, имелось), но вековая неразрывность личности с эстетическим и этическим наследием человечества. В родной стране подобных «культурных людей» оставались считанные по пальцам единицы, в связи с чем мерещился Манечкиному и Леночкиному папе своего рода конец света. Не то чтобы бабах – и никого больше нет... Напротив, без всяких бабахов вымирает культурный слой как пласт. А на месте его возникает нечто новое – пугающее, склонное к загниванию. Ибо без культуры – куда же... Только она и остается после каждой эпохи. А если без нее – то полный провал. Черная пропасть без дна. То есть бездна.

В общем, Свен был принят и обласкан.

Маня вышла замуж и отбыла в края, не столь уж дальние, но в те времена казавшиеся другой планетой.

Лена, которая «форевер», получала от нее подробные письма с требованием прочитать и сжечь, чтобы родители не видели. Она, конечно, ничего не сжигала, но прятала надежно. Писала в ответ какие-то советы... Глупые советы ничего не знающего про жизнь желтоклювого добросердечного птенца.

Во-первых, Маня была радушно принята родителями Свена, даже не подозревавшими о том, что сын их имел многочисленные связи с мужчинами в течение долгих лет. Они, оказывается, в личную жизнь своего ребенка не вникали, а просто ждали, когда мальчику надоест холостяцкая жизнь, когда он обзаведется своим гнездом, потомством. Отец Свена – ну, надо же! – тоже женился в тридцать восемь лет. Самое время. Они тут же выделили молодым часть

наследства: огромный хутор на берегу моря, дом в предместье Копенгагена. И стали ждать внуков.

Во-вторых, Маньке всего этого, связанного с процессом изготовления внуков, поначалу было совсем не нужно. Она поступила в университет и стала изучать датский. Она жадно вникала в особенности чужой жизни, которая с первого взгляда очаровала ее до состояния полной влюбленности во все вокруг.

В-третьих, у них со Свеном все-таки возникли сексуальные отношения. Именно так выразилась Маня, описывая сестре близость с собственным мужем. Они довольно долго и терпеливо привыкали друг к другу. Свен упорно, как настоящий художник, работал над сменой имиджа своей юной супруги. Она доверилась его художественному чутью, его утонченному вкусу и действительно превратилась в умопомрачительную красавицу. Даже не красавицу, это слишком расхожее слово. Она стала произведением искусства, которым все поголовно любовались. Даже собственный муж. Он наконец влюбился в свое творение. То есть ощутил некое влечение, желание ею обладать. С этим у него были трудности какое-то время. И вот в один удивительный день – именно день, а не ночь – он осуществил целый спектакль, с волшебными декорациями, запахами, музыкой, вином, куревом... Он долго раздевал ее, разглядывал. Маня повиновалась, захваченная действием.

– Ты хочешь, чтобы я разделся? – спросил чуткий Свен, – Или тебе страшно видеть наготу мужчины?

– Мне не страшно, – разуверила его зачарованная Маня.

И все действительно произошло. Очень красиво, почти небожно, потому что ей хотелось почувствовать себя настоящей женщиной, а муж не спешил, разжигая ее неопытное желание. Ей только немножко обидным казалось, что во время их ласк и наслаждений включен был очень откровенный фильм про этих самых... «дровосеков». И Свен время от времени поглядывал на экран, как-то особенно после этого распалаясь. Она сама старалась не смотреть и не слушать стоны, доносившиеся из телевизора. Ей хватало собственных новых ощущений. Вполне.

Резюме: ей понравилось. Кажется, она полюбила по-настоящему. И какое это счастье, что они уже муж и жена!

Ох, что только ни описывала Маня в своих письмах! Чему только ни учил ее Свен, нежно, уважительно, мягко, но настойчиво исполняя задуманное. Он даже предлагал ей позвать в их постель третьего... Юношу, который бы украсил собой их супружеское ложе. Который доставил бы дополнительное счастье и ей, и ему.

– Исключено, – сказала Маня. – Мы так не договаривались. Или вдвоем, или никак. Моя душа тебе не игрушка.

Она с особой остротой осознавала в момент их беседы, что речь идет именно о душе, а не о нюансах телесных усад.

Свен принял отказ без возражений. Она много позже поняла, что, предлагая третьего, он проверял ее. И себя. Будто бы путь в темноте выбирал, не зная точно, куда направиться.

Ему нравилось быть с ней. Он радовался ее счастью, улыбался, когда она смеялась, возил ее в путешествия, баловал...

Потом она забеременела и родила мальчика. Тоже Свена. После чего поняла, что такое настоящая любовь. Любовь к мужу и сыну. И – любовь мужа к ней. И к их сыну.

Однажды, когда их младенцу было около полугода, Свен признался Марии в любви. В самой настоящей, осознанной и прекрасной.

– Ты уже не хочешь мужчину? – спросила Маня почему-то.

– Мне для полного счастья нужна только одна женщина и один маленький мальчик. Прошлого нет. Это было, но не со мной теперешним, а с другим человеком. Я сегодняшний – только ваш.

Он стал прекрасным отцом, терпеливым, заботливым. Маленький Свен обожал большого Свена.

Маня жила той жизнью, о которой мечтала: путешествовала, училась всему, чему хотела научиться. Языки были ее подлинной страстью. И теперь она имела возможность изучать каждый язык в той стране, в которой он и зародился. Благодаря погружению в стихию народную язык запечатлевался в ее мозгу быстро, живо и навсегда.

Они даже всей семьей прожили три года в Японии. Их ребенку исполнилось тогда 8 лет. Маня училась в Токийском университете, а мальчик Свен в школе. Мужа пригласили обустроить огромное здание, принадлежащее богатейшей корпорации: японцам хотелось европейской экзотики.

И все шло бы просто замечательно. Без всяких даже «бы». Если бы не началась у Маньки странная болезнь под названием ностальгия. Она долгие годы не была дома. Родители приезжали к ним по приглашению, Лена навещала. Все это случалось редко. Только письма и нерегулярные телефонные звонки связывали родных людей. А в письмах обычно говорилось о том, что видели, чем живет душа, что нового внутри семьи, что умеет Свен, какая стала Риточка... И вдруг такие новости пошли из дому, что даже поверить казалось абсолютно невозможным.

Маня с семьей отправилась в Москву. На Родине она пробыла месяц. Сначала жили две недели в родительской трехкомнатной квартире: папа, мама, Лена, Ритка и они втроем. Москвичи радостно потеснились, уступили гостям лучшую комнату. Окно там помыли к их приезду. Все шутили, что расчищают окно в Европу. Маня поразились: в какой же бедности они с сестрой росли, как жалок был их вещный окружающий мир. Но – книги! Но – эта болтовня за общим столом, эти «чай», это домашнее тепло! Нигде больше не существовало такого понятного, совершенно своего тепла и понимания с полуслова. Маленький Свен почему-то пребывал в диком восторге. До этого он лишь несколько слов мог связать на русском языке, а тут за неделю заговорил. Общался вовсю с Риткой, они вдвоем уходили гулять допоздна, шатались по Арбату, ездили к Университету, бродили по Александровскому саду. Над Москвой витал дух перемен, свободы и надежды. Такие шли времена.

– Я останусь здесь жить, – решительно заявил Свен родителям.

Дед с бабкой не возражали, кивали одобрительно, поглядывая на Маньку с намеком: видишь, мол, ты от нас сбежала, а твой сынок вместо тебя хочет к нам.

На подмосковной даче скандинавский мальчик только прочнее укрепился в своих фантастических намерениях вернуть себе собственную родину. Он словно вспомнил то, чего никогда не происходило с ним, но случалось в детстве его матери и тети.

Они, двоюродные брат с сестрой, играли в те же игры, что их матери когда-то. С одной только разницей: рассказы на одну букву Ритка придумывала по-русски, а Свен по-английски (это он поступал благородно, делая уступку русской родне: по-датски никто бы тут не понял).

– Хилому хвостатому хомяку хотелось хлеба. Хлюпал, хныкал, худел, – сходу начала прямо за обеденным столом Ритка. – Хлеба хочешь? Хватай хворост, хлопочи! Хаханькам хана! Хреновый хлебопек хвастовством хорош! Хозяин хомяка – ханыга. Хаваает, хвалит. Хомяк – харк! Хлеб химический!

И ведь откуда что взялось! Никто никогда не учил, даже не рассказывал. Дух какой-то витал в деревянных стенах, что ли?

– Harry hurried home, hoping his housekeeper had heated his hamster's herbs³, – подхватывал Свен немедленно.

У присутствующих круглились глаза: генетика наглядно демонстрировала свои чудеса.

Мальчик Свен привязался ко всему, что составляло счастье детства его мамы, без ее подсказок, уговоров. Наслаждался, играл, гонял на велике наперегонки с двоюродной сестрицей и

³ Гарри торопился домой, надеясь, что его домработница подогрела зелень для его хомяка (англ.).

совершенно всерьез собирался оставаться. Он прежде не знал отказа своим просьбам и желаниям. Но в данном случае получил твердое и непоколебимое «нет». В то время, как многие спали и видели, как бы убежать на счастливый Запад, оставить ребенка ни с того ни с сего в разваливающейся (вернее, уже развалившейся, чего пока не особо заметили) стране было бы подлинным безумием.

Однако пришлось пообещать, что через несколько лет, когда наступит пора получать высшее образование, Свен, если будет по-прежнему стремиться на родину своих предков по материнской линии, поедет учиться в Москву. А пока – каникулы можно проводить на подмосковной даче, раз уж возникло такое острое желание.

На том и порешили.

И вот когда благополучно вернулись в любимый Манькин Копенгаген, тут-то и начало с ней твориться странное. Навалилась на нее Россия всем своим духом, всем прошлым, всем живым лихим разбойничьим языком, пугающей и предостерегающей историей, горькими судьбами близких и неблизких. И отступили романо-германские, японский, китайский и прочие языки перед завораживающей и манящей мистикой своего, родного, доселе мирно дремавшего.

Теперь Маня писала своей дорогой сестре Лене письма в стихах. Ритм особый в ней пробудился. Она словно бы вернулась в свое отрочество, когда все, что доводилось наблюдать снаружи, находило внутренний отклик в виде стихов.

Из Китая Лена получила от сестры письмо под названием «Рестораны Шанхая»:

Черпаха не прячет в панцирь
Ни ручки, ни ножки, ни голову:
Поняла, что уход в себя – не выход.
Она встает на цыпочки,
опираясь черными ноготками
О мутноватую стенку аквариума,
И вглядывается вперед, вверх —
Откуда, откуда придет спасение?
Ты когда-нибудь видел
Стоящую на двух ногах черпаку?
Она выглядит как любопытный ребенок,
заглядывающий через забор.
Снаружи на нее смотрит
многоглазая раскосая смерть.
Она выбирает:
«Какую, какую подать ей на ужин...
Вот эту, что смотрит прямо в глаза,
словно так и тянется быть сваренной?»
Смерти тоже ведома жалость.
«О, какая миленькая, пусть поживет.
Дайте вон тех, сонных...»
– Ква-а-а! – умоляет лягушка
из соседнего аквариума.
Она уже устала метаться и подпрыгивать.
Какая бы ни была участь – все равно, пусть.
Это только в сказке
из сметаны сбивается твердое масло
и – прыг! – спаслась.

– Ква-а-а!
Пусть уж скорее.
Черепаша ни на что не отвлекается,
Все встает на крепкие ножки,
чтобы еще раз заглянуть смерти в глаза,
в которых, кажется, есть ответ
о выходе.

Чужой, немыслимый, пугающий, непостижимый мир приближался к Лене вплотную благодаря общению с сестрой, из-за ее цепкого взгляда и умения описать увиденное несколькими словами.

Потом письма перестали доходить. Что-то случилось с почтой. То ли марки сначала прельщали почтальонов, то ли вложенные в конверты открытки – письма пропадали. Поневолле пришлось осваивать непостижимое: Интернет. Начали переписку во Всемирной сети Свен-младший и Ритка, потом и Лене ничего не оставалось, как освоить удобное новшество. Зато письмами обменивались теперь почти каждый день. Лена, разумеется, писала прозой, детально, обстоятельно, ей было совсем не до поэзии и не до игр, Маня обязательно сбивалась на стихи, даже если собиралась поведать о чем-то обыденном.

Вот, например, описывала она однажды, как в Нью-Йорке после концерта в новом зале, к оформлению которого был причастен Свен-старший, устроили прием. Известнейшие мировые музыканты тихо общались о том о сем. Вдруг в негромкое звучание голосов ворвался настойчивый родной украинский говор. Помпезно одетая дама громко делилась чудесными свойствами крема одной очень известной и престижной марки. Казалось, она главная на этом празднике жизни. Выяснилось – работает гувернанткой у внуков знаменитого маэстро. Ну – какая есть... А впечатлила. Дальше Маня перешла на стихи:

Потолковали о красе,
О сохранении ее остатков
(вернее, консервации останков).
– Есть крем, творящий чудеса,
швейцарский,
вбиваешь кончиками пальцев
в очищенную кожу на ночь,
а утром – просто перевоплощение:
себя не узнаешь...
Учительница музыки в Нью-Йорке
хвалилась дорогим приобретением:
Полтыщи долларов отдать не жалко
за этот впечатляющий эффект!
(Полтыщи – тут она загнула явно,
я этот крем недавно покупала
за полтораста баксов в самолете
компании «Люфтганза»,
Проверить цену ничего не стоит,
да разве кто-то станет проверять!)

Сидят и впечатляются рассказом,
как харьковская бедная училка
теперь совсем по-новому живет
в демократическом свободном мире.

(А мне тот крем ни капли не помог.)

С развалом родной страны ощутимо поменялся весь мир, довольно долго не отдававший себе в этом отчета. Как когда-то Маня, мечтавшая изменить ход собственного существования и отчаянно решившаяся покинуть отчий дом с первым встречным, потянулись в чужедальные края все, кто только мог.

Мелкие штрихи свершившихся перемен поначалу не особо и докучали.

Ну, например, было когда-то в Копенгагене заведено, что у дверей магазинов стояли коробки с дешевыми вещичками: водолазками, носками и прочей мелкой ерундой. Люди проходили мимо, выбирали, оплачивали покупки и шли себе дальше. С массовым появлением Манькиных соотечественников на улицах Датской столицы от подобной практики пришлось отказаться: разворовывалось все подчистую.

Прибывшие за границу дикie люди, одержимые мечтами о счастье и процветании не считали себя должными соблюдать вековые человеческие правила. Им требовалось прочно и насовсем укрепиться в новом мире, причем сделать это с рекордной быстротой. Поэтому гнушаться воровством любого вида не приходилось. Пускались во все тяжкие.

Всю жизнь в доме Свена и Марии убиралась старательная тихая пожилая датчанка. Состарившись совсем, она собралась на покой. Принялись спешно искать новую помощницу.

Знакомые посоветовали замечательную девушку из Винницы. Скромная нелегалка зарабатывает на пропитание большой бедствующей семьи. Конечно, Маня горячо посочувствовала. Конечно, немедленно взяла ее на работу. Девушка хорошо убирала. Чисто-чисто. Настолько чисто, что из дома исчезали с ее приходами не только пыль и грязь, но и вполне ценные предметы: часы Свена, несколько любимых украшений Марии и даже – мобильный телефон.

Поначалу спрашивали Наталку: не положила ли куда, не видела ли. Та круглила ясные честные очи, недоуменно разводила худенькими руками. Верили, как загипнотизированные. Но телефон, не особо-то и дорогая, но красивая игрушка, стал почему-то последней каплей. Сил обвинить девушку в воровстве у них так и не нашлось. Но силы отказаться от дальнейших услуг синеглазки появились огромные.

Однако вот что интересно: эта ситуация не послужила Мане уроком. Она вновь повелась на чей-то жалостливый рассказ о трудной судьбе одинокой соотечественницы, и вновь в их доме появилась бедная девушка с ужасающей биографией.

Об этапах своего недлинного, но крайне чернушного жизненного пути Ксана рассказывала за чашкой ароматного кофе с вкуснейшими бутербродами, которые всегда предлагала ей сердобольная Маня. Среди леденящих кровь эпизодов, выпавших на долю их новой обездоленной уборщицы, числились изнасилование в поезде солдатом, несколько нежелательных беременностей и ужасы избавления от них в условиях провинциальных бесплатных пыточных абортариев, поездка в Грецию с дальнейшей продажей девушки в сексуальное рабство проигравшимся вероломным партнером.

Ксана, плотно закусывая, не уставала перечислять страшные подробности отработки невероятных долгов любимого ею человека. Размякшая от долгой благополучной жизни Маня ахала, холодела от рвущих сердце в клочки деталей. К очередному приходу новой домработницы она старалась прикупить что-то особенно вкусенькое, чтоб хоть как-то скрасить безобразные воспоминания маленькими радостями открывшейся перед бывшей рабыней новой жизни.

Маню, обычно такую наблюдательную и чуткую к малейшим нюансам, будто загипнотизировали: она не придавала значения тому, что все страдания мученицы осуществлялись сугубо на сексуальной почве. Да еще и в особо изощренных формах.

В целом Маня была довольна Ксаной: вещи из дома не пропадали, чистота блюлась на высочайшем уровне, в отношениях хозяйки и работницы царило полное доверие, взаимопони-

мание и сочувствие, пока Свен-младший, бывший тогда желтоклювым подростком, не объявил папе-маме о намерении жениться на Ксане по причине большой, глубокой и разнообразной любви, регулярно даримой ему в отсутствие родителей многоопытной любвеобильной работницей.

Старо как мир! Столько произведений мировой литературы 19 века отдало дань этой незамысловатой коллизии! Но глубокое знание огромного числа захватывающих литературных сюжетов не освобождает участников собственной драмы от нешуточных переживаний.

– Я ее люблю! – рыдал маленький Свен. – На всю жизнь!

– Я по любви! – рыдала великая страдальца Ксана, хватаясь за распущенные косы, словно собираясь бежать топиться в ближайшем парковом пруду.

Мария было дрогнула, вспомнив собственную авантюру с замужеством. И даже мелькнула в ее мозгу, одурманенном сочувствием к молодым, мысль: «А вдруг?.. А если это любовь?..»

Но Свен-старший поступил по-европейски холодно и жестко. Он натравил на несчастную беззаветно влюбленную эмиграционных ищек, отлавливающих нелегалов, и невесту депортировали быстро, надежно и эффективно.

Подросток-Свен довольно быстро пришел в себя от всепоглощающего чувства и позже сам себе изумлялся, и даже картинно пугался: что случилось бы, если бы родители проявили мягкость! Страшно даже подумать! Примеры подобных браков «по непреодолимо сильному обоюдному чувству» уже обступали осажденную ушлыми новичками Европу со всех сторон.

Потом случилось нечто, воспринятое Марией как падение в пропасть.

Муж ее, бывший одним из самых известных мировых дизайнеров, пригласил к себе нескольких юных стажеров со всего света. Всего на месяц. Акцию эту затеял некий популярный гляцевый журнал, и ничего она особенного не обещала, кроме красочных фотографий мастера в окружении будущих мастеров, имевших счастье поучиться у него секретам профессии. Все эти «будущие» через месяц благополучно рассосались по местам своего постоянного обитания. Остался один.

Мальчик Андрюша из Ужгорода, тоненький, нежный, чуткий, готовый трепетно и безотказно учиться у прославленного художника всему, чему тот ни пожелает научить. Сначала Маня ничего не замечала: она была занята по горло переводческой работой и новой для нее журналистской деятельностью в крупнейшем политическом издании страны. Она почти полностью отстранилась от того, что казалось ей незыблемым и неколебимым домашним бытом. Несколько раз, возвращаясь к ужину (традиция совместных вечерних трапез соблюдалась неуклонно), она заставляла дома Андрюшечку, который тут же, не глядя в ее сторону, прощался со Свеном и уходил восвояси. Со временем это систематическое присутствие чужого и явно недружелюбного пришельца в ее доме стало несколько обращать на себя Манино рассеянное внимание. Уж очень демонстративно милый юноша ее игнорировал, как бы давая что-то понять этим активным незамечанием.

– Почему он все время здесь? – спросила она наконец мужа.

– Учится. Старается, – немногословно отмахнулся Свен, явно не желавший продолжения расспросов.

Несколько раз за завтраком муж вместо привычных газет читал чьи-то письма. Это удивляло, потому что все вокруг перешли на электронную почту, и только банковские отчеты и счета по-прежнему приходили к ним в белых официальных конвертах. Прочитав очередное письмо, Свен аккуратно складывал его, помещал в конверт и уносил с собой.

Обычно он любил неспешно поговорить за чашечкой кофе, сейчас постоянно молчал, словно глубоко уйдя в себя. Все это Маня замечала будто бы по касательной, боковым зрением: глянула, отметила и побежала себе дальше с мыслью когда-нибудь получше разобраться, все-

рьез поинтересоваться, напрямую спросить, а что, собственно, происходит, от кого приходят все эти послания и о чем они.

Между тем много чего грустного происходило вокруг, и все отвлекало от главного.

Заболел отец Свена.

Он долго не объявлял близким о своей смертельной болезни, держался привычно бодро, но однажды Свен, Мария и Свен-младший были приглашены в родительский дом, где казавшийся крепким и здоровым моложавый свекор объявил свою волю в связи с предстоящим уходом в мир иной. Он не хотел оставлять завещание, так как знал много примеров того, что последняя воля умершего становилась для родственников яблоком раздора и предметом многолетних судебных разбирательств. Именно поэтому он собирался вручить каждому близкому человеку дарственную еще при своей жизни.

Решено все было просто и справедливо. Все, что старик собирался отдать младшему поколению, он, с согласия жены, разделил ровно на три части: сыну, невестке и внуку. Каждый получал свой дом (Марии достался многоквартирный доходный дом в центре столицы), каждый получил основательную денежную сумму и акции.

– Ты очень хорошая невестка и давно стала нам дочкой, нам с тобой повезло, – с едва заметной улыбкой пояснил свекор Мане, удивившейся тому, что ей выделена целая треть. – Я считал своим долгом сделать тебя финансово полностью независимой.

– Спасибо, – сказала Маня, – но Свен... Он никогда не ограничивал меня.

Она любовно смотрела на мужа, расстроенного известием о болезни отца и выглядевшего сразу постаревшим.

– Это мое окончательное, хорошо и всесторонне продуманное решение. Вам остается только с благодарностью принять мои дары и пользоваться ими по своему собственному усмотрению, – прозвучал вердикт.

Манино сердце смутилось тоской по человеку, сидящему рядом, но полностью готовому к уходу навсегда. Она решила, что будет навещать свекра каждый день. Ей хотелось скрасить его дни и наговориться обо всем на свете, чтобы потом пересказать собственным внукам. Отец Свена и Маша были друг другу приятны прежде, но никогда не откровенничали, не говорили подолгу. Теперь все изменилось. Маня проходила в цветущий, благоухающий, полный жизни сад, где полулежал слабеющий день ото дня старик, усаживалась напротив. Начинался разговор по душам. Такой, какой мог идти только между очень близкими людьми.

Маня впервые во всех подробностях рассказала о своем замужестве. О разговоре на московской набережной, о предложении будущего мужа. И как она сразу бесповоротно решилась. Старик внимательно слушал, улыбался слегка, изможденное лицо его светлело.

– Мы с женой уверены: ты спасла нашего сына, – сказал он однажды, взяв ее руку в свою.

– От чего? У него все было замечательно. Не от чего спасать, – убежденно отказалась Маня от почетного звания спасительницы.

– И ты знаешь, и мы все знаем и знали. Этот его период жизни с мужчинами. Долгий период. И если бы не ты... СПИД маячил поблизости. Кто дал бы гарантию? Мы с матерью просим небо, чтобы младший Свен не знал подобного опыта.

Маня задумалась. Может ли мать уберечь сына от всевозможных опытов над собственной жизнью? Говорить, приводить поучительные примеры из чужого печального опыта, пугать неизлечимыми роковыми болезнями и чудовищными карами небесными...

Само собой, старший всегда стремится предостеречь младшего.

А дальше?

Дальше начинается область исключительно личных переживаний и поступков, в которую нет доступа ни любящим матерям, ни сопереживающим отцам. Собственный путь каждый выбирает сам. А мать попросту зависит от решения своего ребенка. В этом наша несвобода, этим мы связаны по рукам и ногам.

Вот тогда, давно, сделал же ее родной муж Свен осознанный выбор? Или это проигрывалась шахматная партия судьбы? Раз – и переставила пешечку... И правда – не подвернись она тогда Свену, что случилось бы?

Но все дело в том, что «бы» задним числом невозможно. Мы живем без «бы». И все случилось так, как, очевидно, должно было произойти, без вариантов.

– Ты не успокаивайся, девочка, – велел ей мудрый свекор. – Жизнь длинная, всякое бывает. Храни постоянно свою семью, свой мир от чужих. Люди – существа хищные. Не отдавай свое. Не расслабляйся.

Что он чувствовал? От чего предостерегал?

Это предстояло узнать совсем скоро. Буквально на следующий день после их разговора.

Предчувствие важных событий порой висит в воздухе – незримое, но весьма ощутимое. Так устроено высшими силами из милосердия. Чтобы смягчить удар, подготовить. Только мало кто серьезно относится к собственным ощущениям, большинство отмахивается от невидимой картинки предстоящего, как от назойливой мухи.

Стояли долгие ясные июньские дни.

Именно в дни света Маня с детства испытывала огромный прилив сил и радости жизни. Она, честно отработав трудный день и навестив свекра, возвращалась домой, спокойная и беззаботная. Сын практиковался в немецком языке в Берлине, попросился туда на пару недель и только-только улетел.

Давно они не оставались вдвоем с мужем. Вот сейчас она быстро накроет ужин на лужайке их сада, и смогут они наслаждаться долгими разговорами до поздней ночи, спокойно любуясь переменчивыми красками светлого ночного неба.

Она еще в прихожей позвала:

– Ау! Свен, дорогой! Я уже вернулась! Ты где, мой милый?

В доме царила мертвенная тишина. Никто не отозвался на ее приветствие.

Маня стремительно прошла сквозь дом к выходу в сад, решив, что муж расположился там и не слышит ее зова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.